

*Научная статья**Научная специальность*

5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки»

УДК 347.447.5

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.4.75>

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЗАВЕРЕНИЙ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

© Ганева Е. О.¹, Макиева Т. Г.², 2025¹ Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия² Адвокатское бюро «Райников, Андреев и партнеры», г. Иркутск, Россия

Проведено исследование одного из наиболее спорных институтов договорного права. Посредством сравнительно-правового метода, метода правового моделирования и аналогии проводится анализ норм ст. 431.2 ГК РФ с целью развития дискуссии о правовой природе заверений об обстоятельствах. Изучен опыт зарубежных стран в регулировании правовых отношений, возникающих при предоставлении контрагентами заверений об обстоятельствах. Отмечается недостаточная развитость теории функций заверений об обстоятельствах в российской доктрине. Указывается на возможность формулирования и предоставления заверений об обстоятельствах на будущее время. Подчеркивается скептическое отношение некоторых исследователей к синкретизму ст. 431.2 ГК РФ и объединению в ней норм об ответственности договорного и деликтного характера, сделан вывод о возможных преимуществах такого подхода отечественного законодателя. Выявлены сформировавшиеся в российской юридической литературе подходы к определению объема стандарта осмотрительности адресата заверений об обстоятельствах при их получении. Сформулированы некоторые преимущества действующей редакции нормы абз. 3 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ. Рассмотрен ряд разработанных к настоящему времени в российской доктрине подходов к определению правовой природы заверений об обстоятельствах. Предложен авторский подход к определению правовой природы рассматриваемого договорного инструмента, в связи с чем был сделан вывод об отсутствии теоретико-догматических препятствий для понимания заверений об обстоятельствах в качестве односторонней сделки, требующей восприятия.

Ключевые слова: заверения об обстоятельствах, гарантии, заверения, договорный инструмент, правовое заимствование.

LEGAL NATURE OF REPRESENTATIONS AND WARRANTIES

© Ganeva E. O.¹, Makieva T. G.², 2025¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation² Law Office "Raynikov, Andreev and Partners", Irkutsk, Russian Federation

The article studies of one of the most controversial institutions of contract law. The comparative legal method is used to analyze the legal modeling and analogy method and the provisions of Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation in order to develop a discussion about the legal nature of representations and warranties. The experience of foreign countries in regulating legal relations that arise when counterparties provide representations and warranties has been studied. The theory of the functions of representations and warranties in the Russian doctrine is insufficiently developed. It is indicated that it is possible to formulate and provide representations and warranties for the future. The skeptical attitude of some researchers towards the syncretism of Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation and the fact that it combines contractual and tort liability provisions is emphasized, and a conclusion is made about possible advantages of this approach of the Russian legislator. The approaches formed in the Russian legal literature to the scope of the standard of diligence of the addressee of representations and warranties when they are received have been identified. Some advantages of the current version of Paragraph 3, Clause 1, Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation are formulated. The article considers a number of approaches developed so far in the Russian doctrine to determine the legal nature of representations and warranties. The author's approach to determining the legal nature of representations and warranties is proposed, and therefore a conclusion is made that there are no theoretical and dogmatic obstacles to understanding representations and warranties as a unilateral transaction requiring discernment.

Keywords: representations and warranties, warranties, representations, contractual instrument, legal borrowing.

Введение

Предметом настоящего исследования выступают нормы отечественного законодательства, регулирующие правоотношения контрагентов,

которые возникают в случае предоставления заверений об обстоятельствах.

Правовой институт заверений об обстоятельствах заимствован из англо-американского пра-

ва. Как справедливо отмечает А. Г. Карапетов, необходимость заимствования комментируемого договорного инструментария была вызвана «...широкой практикой включения в российские договоры утверждений сторон о фактических обстоятельствах, имевших место в прошлом или существующих в настоящем, которые значимы для контрагента» [Цит. по: 8, с. 40].

В английском праве вся теория и практика применения института *representations* (заверения) и *warranties* (гарантии) основана на их ригоричном разграничении. Под *representations* англо-американская правовая традиция понимает утверждения о фактических обстоятельствах, которые имели место в прошлом либо имеют место в настоящем и типичной целью которых является побуждение лица к заключению договора [3, с. 25]. В свою очередь, *warranties* – это утверждения, достоверность которых гарантируется одной из сторон договора. В отличие от *representations* темпоральный периметр применения *warranties* не ограничен только прошлым и настоящим, поскольку такие гарантии могут предоставляться и на будущее время [Там же, с. 25].

Изучению теоретических и прикладных вопросов применения института заверений об обстоятельствах посвятили свои работы следующие российские исследователи: С. Л. Будылин, А. Г. Карапетов, А. Д. Манджиев, В. В. Орбинский, И. Г. Степанян, Ж. В. Томашевская, С. Ю. Филиппова, А. В. Томсинов, Ю. С. Харитонов и др. Однако, несмотря на достаточно большое количество научных работ, в доктрине отсутствует единство мнений относительно вопроса правовой природы заверений об обстоятельствах, который представляет собой концептуальный каркас всей обсуждаемой договорной конструкции. Как справедливо отметил И. А. Покровский, возникла ситуация, в которой «гражданское право находится в стадии интенсивного искания истины, а не обладания ею» [11, с. 346].

Необходимость единообразного правопонимания нормы о заверениях об обстоятельствах подтверждается признанием «обеспечения стабильности и устойчивости... стабильности и предсказуемости гражданского оборота»¹ приоритетным направлением гражданского законодательства.

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 окт. 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

Материалы и методы исследования

В результате применения формально-догматического метода, сопровождаемого методом системного анализа и методом правового моделирования, был сделан вывод о сделочной природе заверений об обстоятельствах.

Нормативную базу исследования составили правовые акты России, Англии, Франции, США, что само собой предопределило обращение к сравнительно-правовому методу исследования и методу аналогии, с помощью которых, избегая концептуальной идеализации, были выявлены сходства и различия в правовом подходе к регулированию однородных по содержанию правоотношений.

В качестве эмпирической основы настоящей работы были использованы материалы отечественной и зарубежной судебной практики.

Результаты исследования

Важной ремаркой в контексте небольшого, но столь необходимого экскурса в англо-американское право является то, что *representations* является институтом деликтного права, тогда как *warranties* представляет собой институт договорного права. На этом факте *inter alia* строится несколько скептическое отношение некоторых отечественных исследователей к пренебрежению законодателем англосаксонской традицией дихотомии заверений об обстоятельствах [5].

Для дальнейших рассуждений в рамках обозначенной темы представляет интерес опыт Франции, отправной точкой в изучении которого является констатация факта отсутствия специальной нормы, посвященной *representations and warranties* в гражданском законодательстве рассматриваемого государства, что, однако, не является препятствием для сторон договорных правоотношений заключать так называемое соглашение о гарантии (*convention de garantie*). Известно, что структура и формулировки соглашений о гарантиях чаще всего бывают основаны на англо-американских образцах [3, с. 14]. Суды, в свою очередь, в качестве нормы, легитимирующей соглашение с подобным содержанием, в судебных постановлениях указывают ст. 1103 Гражданского кодекса Франции (*Code Civil*), в соответствии с которой *les contrats légalement formés tiennent lieu de loi à ceux qui les ont faits* (в пер. с фр. «юридически оформленные договоры являются обязательными для тех, кто их заключает»)². Думается, в праве

² Официальный сайт Правительства Франции. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/?isSuggest=true (дата обращения: 09.09.2025).

Франции указанная статья является *grand poign* для правомочий субъектов гражданских правоотношений, вытекающих из принципа свободы договора.

До 2015 г., когда Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) был дополнен ст. 431.2, в России уже существовал опыт применения обсуждаемого договорного инструмента, однако, несмотря на непротиворечивость принципу свободы договора, вновь актуализированному в свете постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) от 14 марта 2014 г. № 16¹, такие условия соглашений редко воспринимались судами в качестве соответствующих российскому законодательству [14].

В отсутствие необходимого массива судебной практики, которая и к настоящему моменту находится в зачаточном состоянии, исследователи в целях достижения единства в понимании правовой природы заверений об обстоятельствах настойчиво продолжают сравнивать многолетний опыт англо-американской практики с отечественной действительностью. Как представляется, поиск истины осложнен существованием ст. 406.1 ГК РФ о возмещении потерь и ст. 434.1 ГК РФ о преддоговорной ответственности, поскольку многими авторами отмечается смежность указанных норм [12].

Лейтмотивом критики подхода отечественного законодателя к нормативному заимствованию зарубежного опыта является объединение в одну статью закона (ст. 431.2 ГК РФ) норм об ответственности деликтного и договорного характера [5]. В этой связи интерес представляет опыт США. Американские юристы сравнительно недавно стали тяготеть к идее стирания различий между *representations* и *warranties* путем включения в договор единого пункта. Думается, такой подход был воспринят субъектами гражданского оборота ввиду участвовавших случаев игнорирования судом положений договоров и произвольной переквалификации ими *representations* на *warranties* или *warranties* на *representations* [3, с. 24].

В настоящее время в отечественной доктрине сложилось несколько подходов к правовой природе заверений об обстоятельствах.

Представители первого подхода предлагают рассматривать комментируемую договорную конструкцию как деликт, обосновывая это тем, что «статья 431.2 ГК РФ, позволяя взыскать

убытки из заверения, устанавливает особый вид деликта – деликт из обмана» [15].

Сторонники второго подхода предлагают рассматривать заверения об обстоятельствах в качестве поступка, делая оговорку, что данная точка зрения к настоящему моменту не была воспринята большим количеством исследователей ввиду недостаточной развитости теории юридического поступка [16, с. 265].

Согласно третьему подходу, заверения об обстоятельствах представляют собой двустороннюю сделку, что обосновывается с позиции недостаточности для возникновения правового эффекта простого факта предоставления заверения об обстоятельствах и необходимости, в этой связи, факта выражения получателем такой информации воли на ее принятие в качестве заверения об обстоятельствах [17, с. 203].

Четвертый подход рассматривает заверения об обстоятельствах в качестве односторонней сделки.

Думается, наибольший интерес представляют третий и четвертый подходы.

Логический *nonsense* в некоторой степени представляет факт того, что как противники, так и последователи подхода о сделочной природе заверения об обстоятельствах ссылаются на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 (далее – ПП ВС № 49)². Так, противники мнения о сделочной природе заверений об обстоятельствах в соответствующих формулировках ПП ВС № 49 в качестве ключевого момента в понимании их правовой природы выделяют указание ВС РФ на применение п. 1 ст. 162 ГК РФ о последствиях несоблюдения простой письменной формы сделки во взаимной связи с п. 1 ст. 6 ГК РФ об аналогии закона, подразумевая, что предоставление заверений об обстоятельствах не является сделкой [5]. Тем временем исследователи, настаивающие на понимании рассматриваемого договорного инструмента в качестве сделки, акцентируют внимание на том, что ПП ВС № 49 указывает на возможность признания заверения об обстоятельствах недействительным по правилам §2 гл. 9 ГК РФ, что в целом следует рассматривать как констатацию сделочной природы заверений об обстоятельствах [13, с. 104].

Одним из ключевых вопросов в практике применения института заверений об обстоя-

¹ О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 49 // Консультант Плюс : справочная правовая система.

тельствах является вопрос об объеме стандарта осмотрительности их адресата. В отличие от многообразия мнений относительно природы заверений об обстоятельствах, в рассматриваемом вопросе два подхода.

Согласно первому подходу, адресат не должен проявлять осмотрительность. Представители первого подхода в аргументации своей точки зрения восходят к самой сути ст. 431.2 ГК РФ, отмечая, что предъявление требований по проверке достоверности заверений об обстоятельствах к адресату нивелирует смысл заверений об обстоятельствах как инструмента распределения рисков между сторонами договора [9, с. 123]. Так, например, Арбитражный суд (далее также – АС) Свердловской области мотивировал свое решение позицией о том, что адресат не должен проявлять осмотрительность и принимать меры по проверке истинности полученных сведений¹.

В соответствии со вторым подходом адресат должен проявлять осмотрительность. Представители второго подхода отмечают, что тотальное освобождение адресата от проверки полученных заверений об обстоятельствах не соответствует требованиям гражданского оборота [1, с. 44]. Данный подход также нашел отражение в судебной практике².

Внимания заслуживает точка зрения о том, что стандарт осмотрительности адресата должен ставиться в зависимость от того, по чьей инициативе были предоставлены заверения об обстоятельствах. Так, если заверения об обстоятельствах были предоставлены по инициативе адресата, то стандарт осмотрительности для него должен быть выше. Соответственно, если инициатором явился адресант, стандарт осмотрительности адресата должен быть ниже [13, с. 198].

Думается, во многом концептуальная перекличка ст. 431.2 ГК РФ и 434.1 ГК РФ сосредоточена вокруг несколько узко направленных рассуждений некоторых исследователей о функциях заверений об обстоятельствах и сознательном игнорировании синкретизма норм, им посвященных. Так, искусственная дихотомия норм ст. 431.2 ГК РФ по англо-американскому образцу приводит к выводам о том, что единственной функцией, имманентной заверениям

об обстоятельствах, является побудительная функция, поскольку в Англии и США на преддоговорном этапе лицу, которое хотят побудить к заключению договора, часто представляются *representations* [Там же, с. 191]. Кроме того, подобными размышлениями констатируется пренебрежение к норме п. 1 ст. 431.2 ГК РФ, которая закрепляет, что заверения могут даваться «при заключении договора либо до или после его заключения». Безусловно, заверения об обстоятельствах обладают побудительной функцией, но не «только», а «в том числе». В этой связи уместно отметить, что многие авторы выделяют функцию распределения рисков первичной функцией заверений об обстоятельствах, с чем следует согласиться [7].

Коллизии применения норм ст. 431.2 и 406.1 ГК РФ восходят к дискуссии о возможности дачи заверений об обстоятельствах на будущее время, которая, думается, является самостоятельным предметом исследования. Тем не менее не представляется возможным оставить без внимания один из самых важных вопросов применения ст. 431.2 ГК РФ. Как верно отмечает М. А. Церковников относительно смежности ст. 406.1 и 431.2 ГК РФ, «обе техники позволяют установить гарантийное обязательство, частично укладываемое даже в строгое понятие обязательства, которое дает п. 1 ст. 307 ГК РФ» [17, с. 212].

В контексте опыта США, представляющего некоторое изъятие из общей англо-американской тенденции, интересным видится вопрос: синкретизм ст. 431.2 ГК РФ – волюнтаризм законодателя или его интенция?

Опасениям научного сообщества относительно смешения ответственности разных видов в ст. 431.2 ГК РФ нельзя отказать в известной степени основательности, однако полагаем, что не лишены *raison d'être* и точки зрения, несколько противоположные.

Как представляется, опыт ГК РФ в восприятии института *representations and warranties* является уникальным, а нормам, заимствованным из иностранного права, не должен придаваться категоричный характер прескриптивности.

В этой связи следует согласиться с точкой зрения о том, что «коль скоро формулировка ст. 431.2 ГК РФ оригинальна и синкретична, следует совершенствовать правоприменительные вопросы, а не стремиться во что бы то ни стало проводить демаркационную линию между заверениями и гарантиями в российском праве,

¹ Решение АС Свердловской области от 30 окт. 2017 по делу № А60-38056/2017 // Судакт. URL: <https://sudact.ru/?ysclid=mgck48kyqz168653168> (дата обращения: 14.09.2025).

² См.: Определение ВС РФ от 23 авг. 2023 г. № 302-ЭС23-14836 по делу № А33-31660/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система .

преследуя максимальное приближение к английской модели» [13, с. 69].

Помимо особенностей толкования положений ПП ВС № 49 исследователи, которые отрицают состоятельность позиции о сделочной природе заверений об обстоятельствах, в качестве аргумента ссылаются на ст. 153 ГК РФ, которая гласит, что сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Например, В. Ф. Ушканенко указывает, что «..заверения не обладают признаком действия, а призваны только фиксировать определенные обстоятельства» [15]. При этом, как указывает А. С. Акужинов, «в доктрине сделку определяют шире, указывая, что последняя состоит не обязательно и не только из действий, с которыми закон связывает правовой эффект» [2, с. 130].

Важно отметить, что в постановлении Пленума № 25 (далее – ПП ВС № 25) ВС РФ также раскрывает понятие сделки через категорию волеизъявления¹.

Итак, следует рассмотреть подробнее указанные выше подходы, выделяемые в позиции о сделочной природе рассматриваемого договорного инструмента.

Представители третьего подхода, объясняющего правовую природу заверений об обстоятельствах в качестве двусторонней сделки (далее – третий подход), в своих рассуждениях ссылаются на необходимость выражения воли получателя информации на ее принятие.

Так, заверения об обстоятельствах, предоставляемые лицом (далее – адресант) другому лицу (далее – адресат), порождают правовые последствия только после того, как их адресат изъявит волю на их принятие, т. е. согласится воспринимать такую информацию как достоверные заверения об обстоятельствах и полагаться на них при заключении договора. И в этом волеизъявлении адресата усматривается один из конституирующих элементов двусторонней сделки – выражение воли другой стороны, т. е. адресата заверений об обстоятельствах.

Безусловно, воля адресата заверений должна быть учтена, но, думается, над этим моментом корректнее рассуждать с позиции классификации односторонних сделок, некогда разработанной немецкой доктриной. Ука-

занная классификация предполагает деление сделок по критерию зависимости возникновения соответствующих правовых последствий от восприятия сделки другими лицами на требующие восприятия и не требующие восприятия (нем. *empfangsbedurftigen und nichtempfangsbedurftigen Willenserklarung*).

Ранее актуальность классификации сделок на требующие и не требующие восприятия в России обсуждалась в период введения в ГК РФ ст. 165.1 о юридически значимых сообщениях [4, с. 28]. Тем не менее деление сделок по указанному критерию представляется уместным в рамках рассуждений над правовой природой заверений об обстоятельствах, поскольку без восприятия адресатом волеизъявления адресанта сделка предоставления заверений об обстоятельствах не породит соответствующих ей правовых последствий.

На первый взгляд, указанное деление сделок может показаться несколько чуждым отечественной доктрине, поскольку к настоящему моменту оно является малоисследованным, однако верным представляется утверждение А. С. Акужинова о том, что «данная классификация базируется на значительном теоретическом фундаменте, имманентно вплетенном в ткань законодательства» [2, с. 130].

Более того, в институте заверений об обстоятельствах, думается, присутствует отсылка законодателя к рассматриваемой классификации (абз. 3 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ).

Интерес в этой связи представляет вопрос о случаях проявления адресатом заверений об обстоятельствах недобросовестного поведения. Важной оговоркой в контексте рассуждений над указанным вопросом является то, что в настоящей работе он будет рассматриваться с позиции добросовестного поведения адресанта, т. е. когда последнему нельзя атрибутировать вину в предоставлении заведомо недостоверных заверений об обстоятельствах.

Несколько спорным представляется утверждение о том, что «в случае договорных правоотношений поведение стороны может считаться недобросовестным *лишь тогда* (курсив наш. – Е. Г., Т. М.), когда противная сторона не допустила бы такое поведение, если бы имела такую возможность» [7]. Таким образом А. Д. Манджиев обосновывал, как представляется, не менее спорный тезис о том, что «если заверитель осознанно согласился с тем, что он будет отвечать за недостоверность своего заверения в любом случае и особо оговорил право заверяе-

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

мого требовать возмещения убытков, даже если заверяемый знал о недостоверности заверения, то безосновательно лишать заверяемого такого права. По этой причине аргумент о добросовестности не может считаться решающим при политико-правовом анализе требования полагаться на заверение» [7]. Думается, подобные рассуждения восходят к дискуссии о диспозитивности нормы абз. 3 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ [13, с. 193].

Полагаем, указанное высказывание может быть парировано, помимо прочего, абз. 4 п. 1 ПП ВС № 25, согласно которому «поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения». Так, в одном из решений Арбитражный суд Воронежской области, подтвердив, что институт заверений об обстоятельствах является институтом обязательственного права, указал на обязанность субъектов правоотношений по даче заверений об обстоятельствах вести себя в соответствии с принципом доброй совести¹.

Представляется релевантным рассмотреть два варианта ситуации, когда поведение адресата может быть признано судом пренебрежительным по отношению к принципу *bona fides*.

Первый вариант следует проиллюстрировать с помощью упомянутого ранее решения АС Воронежской области, в котором суд пришел к выводу о том, что адресат изначально поставил под сомнение часть предоставленных ему заверений об обстоятельствах. Такие действия адресата были квалифицированы как злоупотребление правом, что, конечно, явилось непреодолимым препятствием для взыскания неустойки².

Второй вариант имеет место, когда адресат заведомо знал о недостоверности предоставленных ему заверений об обстоятельствах. Так, согласно определению ВС РФ от 27 июля 2024 г., если адресат заверений об обстоятельствах заведомо знал о недостоверности заверений, то он не вправе предъявлять к адресанту какие-либо требования³.

Уместно отметить, что в Англии суды разрешают такие дела аналогичным образом. Напри-

мер, в споре *Infiniteland and another v. Artisan Contracting Ltd* суд обосновал свое решение с позиции того, что непосредственное знание (*actual knowledge*) адресата о несоответствии *representations and warranties* в момент их предоставления лишает его права предъявлять требования к адресанту на основании недостоверности заверений, даже если в договоре стороны условились об обратном [19, p. 213].

Во Франции отсутствует специальный институт *representations and warranties*, но можно провести в некотором роде аналогию с довольно развитым в доктрине институтом информационных обязательств [6, с. 246]. Речь идет об обязанности адресанта доподлинно знать о достоверном характере предоставляемой адресату информации (*le devoir de s'informer*). Продолжение указанная информационная обязанность находит в концепции непростительного заблуждения (*dérreur inexcusable*), в условиях наличествования которого адресант лишен права предъявлять требования к адресату, кроме случая, когда со стороны адресата имело место мошенничество, в том числе и неправомерное умолчание, например, о факте своей осведомленности о недостоверности представленной адресантом информации [18, p. 35].

Уместно полагать, что обозначенные выше решения судов основаны на общем концептуальном каркасе требования разумного полагания адресата на предоставленные ему заверения об обстоятельствах. Обоснованным представляется рассуждать следующим образом: адресат сделал некую мысленную оговорку (*reservatio mentalis*) в момент получения заверений об обстоятельствах о том, что входящие в их содержание сведения с большой долей вероятности не являются достоверными (в первом варианте ситуации) или доподлинно не являются достоверными (во втором варианте ситуации), что изначально повлекло несоблюдение требования о полагании адресата на предоставляемые ему заверения об обстоятельствах, которое, как следует из абз. 3 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ, является конституирующим элементом состава правонарушения по даче недостоверных заверений.

Требование полагания адресата на предоставленные ему заверения об обстоятельствах обретает значение в квалификации сделки дачи заверений как сделки, требующей восприятия. Настоящая работа не предполагает этимологического препарирования понятий «полагание» и «восприятие», однако данные рассуждения следуют рассматривать как попытку раскрытия по-

¹ См.: Решение АС Воронежской области от 6 дек. 2016 г. по делу № А14-8248/2016 // Судакт (дата обращения: 14.09.2025).

² Решение АС Воронежской области от 6 дек. 2016 г. по делу № А14-8248/2016 // Судакт (дата обращения: 14.09.2025).

³ Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 27 авг. 2024 г. N 310-ЭС24-15041 по делу № А08-5662/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

нятия «восприятие» через понятие «полагание». В этом аспекте интерес представляют попытки исследователей обозначить примерный перечень форм восприятия заверений об обстоятельствах, свидетельствующих о степени выполнения требования полагания на них. Например, М. И. Лухманов пишет о том, что адресата нельзя считать разумно полагавшимся на заверения об обстоятельствах в случаях, когда «...лицо знает, что его обманывают, либо не *воспринимает* (курсив наш. – Е. Г., Т. М.) сообщаемую информацию всерьез, либо эта информация вообще не достигла адресата, либо получатель в целом безразлично относится к вопросу о ее соответствии действительности при принятии решения о заключении договора» [5]. В свою очередь, А. Д. Манджиев пишет лишь о ситуации, когда адресат в момент предоставления заверений об обстоятельствах знал о их недостоверности [7].

Обсуждения и заключения

Полагаем, что в вопросе надлежащего восприятия заверений об обстоятельствах и последующего на них разумного полагания данные категории должны толковаться несколько шире, чем единичная ситуация изначальной осведомленности адресата о недостоверности заверений об обстоятельствах.

Важно отметить, что конструкция нормы абз. 3 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ является самостоятельным предметом научных дискуссий, что, по всей вероятности, связано со сравнением изначальной редакции нормы в законопроекте с редакцией, которая обрела место в ст. 431.2 ГК РФ.

Действующая редакция абз. 3 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ гласит, что «предусмотренная настоящей статьей ответственность наступает, если сторона, предоставившая недостоверные заверения, исходила из того, что другая сторона будет полагаться на них, или имела разумные основания исходить из такого предположения».

На первый взгляд норма действительно может показаться сформулированной бессистемно, в чем ее, собственно, обвиняют некоторые исследователи [5], однако, думается, в такой формулировке можно обнаружить нечто положительное. Рассмотреть эти положительные аспекты предлагаем с позиции категории «пускания пыли в глаза» (*puff*).

Английская доктрина знает довольно развитую классификацию *representations and warranties*, однако в рамках настоящего обсуждения акцентируем внимание на информации, которая была охарактеризована в качестве «пускания

пыли в глаза», или торгового преувеличения (*puff; trade puff*) [10, с. 201]. Например, «Покупай мой мопед, он самый быстрый!» или «Покупай мой участок, солнце на него светит больше всех в округе!» и т. д. Особенностью указанной категории является то, что такая информация не влечет никаких правовых последствий. Впервые это было констатировано в деле *Dimmock v. Hallett* (1688-67) LR 2 Ch App 21, в котором суд отказал в иске покупателю, указав, что информация о том, что предоставленная продавцом земля является «плодородной и пригодной для улучшения», является всего-навсего «привлекательным описанием» (*flourishing description*)¹.

В доктрине уже обосновывались предложения закрепить критерий разграничения информации подобного содержания от заверений об обстоятельствах [14]. Как представляется, в контексте, например, обсуждения ситуации с договором купли-продажи, делая такие заявления, продавец не имеет цели ввести покупателя в заблуждение. Как правило, такие заявления носят настолько гипертрофированный характер, что разумный участник гражданского оборота не будет на них полагаться. Соответственно, следуя действующей формулировке абз. 3 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ, продавец не исходил и не имел разумных оснований исходить из того, что покупатель будет полагаться на такие сведения.

Тем не менее искивые требования, подобные искомому требованию покупателя из вышеупомянутого судебного дела, предъявляются в наши дни. В таком случае, не углубляясь в процессуальные аспекты, можно констатировать, что бремя доказывания соответствия полученной информации признакам заверений об обстоятельствах, а также последующий факт того, что продавец исходил или имел разумные основания исходить из того, что сторона будет полагаться на такую информацию, лежит на покупателе.

Кроме случаев, когда покупатель действительно по собственной наивности положился на сведения подобного рода, думается, может возникнуть ситуация недобросовестного поведения покупателя, который решил извлечь выгоду из предъявления требований к продавцу, основанных на якобы недостоверных заверениях об обстоятельствах. В процессуальном праве такие требования именуется «неосновательным ис-

¹ *Dimmock v. Hallett* (1688-67) LR 2 Ch App 21=Диммок против Хэллетт (1968-67). Апелляционный суд канцлера 21. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Dimmock_v_Hallett?ysclid=maor58ry56718630525 (дата обращения: 09.09.2025).

ком», т. е. иском, заявленным в условиях знания истца о том, что его требования неправомерны¹.

Таким образом, несмотря на неоднозначный подход к толкованию положений ПП ВС № 49, теоретико-догматические препятствия для рассмотрения заверений об обстоятельствах в качестве сделки отсутствуют, а условие применения мер ответственности к адресанту недостоверных заверений об обстоятельствах, указанное в абз. 3 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ, позволяет рассуждать о сделке заверений об обстоятельствах как о сделке, требующей восприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аладько А. И. Ерофеев Д. В. Применение норм статьи 431.2 ГК РФ в судебной практике // Нотариальный вестник. 2022. № 3. С. 40–53.
2. Акужинов А. С. Сделки, требующие и не требующие восприятия: теоретические и практические основания классификации // Цивилистика. 2020. № 6. С. 124–152.
3. Будылин С. Л. Заверения и гарантии. Компаративное исследование. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 160 с.
4. Егоров А. В. Верховный суд разъяснил понятие сделки. Наступила ли ясность? // Арбитражная практика. 2015. № 12. С. 24–31.
5. Лухманов М. И. Заверения об обстоятельствах: теоретические и практические проблемы в свете новых разъяснений ВС РФ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Лугманов Р. Р. Гражданско-правовые информационные обязательства по французскому праву // Известия вузов Правоведение. 2020. Т. 64, № 2. С. 245–269.
7. Манджиев А. Д., Мартыанова Т. С. Заверения об обстоятельствах: насколько важно полагаться на них? // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
8. Маглеева У. А. О многообразии заверений об обстоятельствах // Право и экономика. 2018. № 11. С. 40–44.
9. Новак Д. В. Институт заверений об обстоятельствах в ст. 431.2 ГК РФ // О договорах : сб. ст. к юбилею В. В. Витрянского / сост. С. В. Сарбаш. М.: Статут, 2017. С. 120–125.
10. Оробинский В. В. Английское договорное право. Просто о сложном. Ростов н/Д.: Феникс, 2019. 459 с.
11. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права : монография. М.: Эксмо, 2023. 384 с.
12. Рудоквас А. Д. Нарушение обязанностей информирования: преддоговорная ответственность, заверения и гарантии возмещения потерь. Комментарий к п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
13. Соскиева А. А. Правовая природа заверений об обстоятельствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 237 с.
14. Томсинов А. В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties и indemnity в праве Англии и США // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
15. Ушканенко В. Ф. Недостоверность заверений об обстоятельствах на этапе переговоров: правовая природа, ответственность, подходы в судебной практике // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

¹ Что такое неосновательный иск. Погружение в мир судебных исков: Разбираем основные понятия. URL: <https://telega.ph/СНто-такое-неосновательный-иск-Погружение-в-мир-судебных-исков-Разбираем-основные-понятия-01-05> (дата обращения: 27.09.2025).

16. Филиппова С. Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 559 с.

17. Церковников М. А. О гарантийном обязательстве из заверения о будущем обстоятельстве: комментарий к определению ВС РФ от 21 марта 2023 года // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23, № 6. С. 198–213.

18. Boyer Olivier Frédéric. 1991. Le silence et le contrat: approche comparée. Montréal, McGill University. 268 p.

19. Jastrzebski J. “Sandbagging” and the Distinction between Warranty Clauses and Contractual Indemnities // U.C. Davis Business Law Journal. 2019. Vol. 19. P. 208–251. URL: <https://blj.ucdavis.edu/archives/vol-19-no-2/Jastrzebski.html> (дата обращения: 18.09.2025).

REFERENCES

1. Aladko A.I., Erofeev D.V. Primenenie norm stati 431.2 GK RF v sudebnoy praksis [Application of Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation in Judicial Practice]. *Notarialnyy vestnik* [Notarial Bulletin], 2022, no. 3, pp. 40–53. (in Russian).
2. Akuzhinov A.S. Sdelki, trebuyushchie i ne trebuyushchie vospriyatiya: teoreticheskie i prakticheskie osnovaniya klassifikatsii [Transactions Requiring and Not Requiring Acceptance: Theoretical and Practical Classification Foundations]. *Tsivilistika* [Civil Law], 2020, no. 6, pp. 124–152. (in Russian)
3. Budylin S. L. *Zavereniya i garantii. Komparativnoe issledovanie* [Representations and Warranties. A Comparative Study]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2017. 160 p. (in Russian)
4. Egorov A.V. Verkhovnyy sud raz'yasn'il ponyatie sdelki. Nastupila li yasnost [The Supreme Court Clarified the Concept of Transaction. Has Clarity Come?]. *Arbitrazhnaya praktika* [Arbitration Practice], 2015, no. 12, pp. 24–31. (in Russian)
5. Lukhmanov M.I. Zavereniya ob obstoyatelstvakh: teoreticheskie i prakticheskie problemy v svete novykh raz'yasneniy VS RF [Representations of Circumstances: Theoretical and Practical Problems in Light of Recent Clarifications by the Supreme Court of the Russian Federation]. *KonsultantPlus* [ConsultantPlus]: Legal Reference System]. (in Russian)
6. Lugmanov R.R. Grazhdansko-pravovye informatsionnye obyazatel'stva po frantsuzskomu pravu [Civil Law Informational Obligations under French Law]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [University Proceedings. Jurisprudence], 2020, vol. 64, no. 2, pp. 245–269. (in Russian)
7. Mandzhiev A.D., Mart'yanova T.S. Zavereniya ob obstoyatelstvakh: naskolko vazhno polagat'sya na nikh? [Representations of Circumstances: How Important is it to Rely on Them?]. *KonsultantPlus* [ConsultantPlus]: Legal Reference System]. (in Russian)
8. Magleeva U.A. O mnogoobrazii zavereniy ob obstoyatelstvakh [On the Variety of Representations of Circumstances]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2018, no. 11, pp. 40–44. (in Russian)
9. Novak D.V. Institut zavereniy ob obstoyatelstvakh v st. 431.2 GK RF [Institute of Representations of Circumstances in Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation]. *O dogovorah: sb. st. k yubileyu V.V. Vitryanskogo* [On Contracts: Collection of Articles for the Anniversary of V. V. Vitryansky]. Comp. S. V. Sarbash. Moscow, Statut Publ., 2017, pp. 120–125. (in Russian)
10. Orobinskiy V.V. *Angliyskoye dogovornoye pravo. Prosto o slozhnom* [English Contract Law. Simple About the Complex]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2019, 459 p. (in Russian)
11. Pokrovskiy I.A. *Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava* [Main Problems of Civil Law]. Monograph. Moscow, Eksmo Publ., 2023, 384 p. (in Russian)
12. Rudokvas A.D. Narushenie obyazannostey informirovaniya: preddogovornaya otvetstvennost, zavereniya i garantii vozmeshcheniya poter'. Kommentariy k p. 21 Postanovleniya Plenuma VS RF ot 24.03.2016 N 7 “O primenenii sud'yami nekotorykh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatelstv” [Violation of Disclosure Obligations:

Pre-contractual Liability, Representations and Warranties of Loss Compensation. Commentary on paragraph 21 of the Supreme Court Plenum Ruling N 7 dated 24.03.2016 “On Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations”. *KonsultantPlyus* [Consultant Plus]: Legal Reference System. (in Russian)

13. Soskiyeva A.A. *Pravovaya priroda zavereniy ob obstoyatelstvakh* [Legal Nature of Representations of Circumstances]. Cand. sci. diss. Moscow, 2024, 237 p. (in Russian)

14. Tomsinov A.V. *Zavereniya ob obstoyatelstvakh i vozmeshchenie poter' v rossiyskom prave v sravnenii s representations, warranties i indemnity v prave Anglii i SShA* [Representations of Circumstances and Loss Compensation in Russian Law Compared with Representations, Warranties, and Indemnity in English and US Law]. *KonsultantPlyus* [Consultant Plus]: Legal Reference System. (in Russian)

15. Ushkanenko V.F. *Nedostovernost zavereniy ob obstoyatelstvakh na etape peregovorov: pravovaya priroda, otvetstvennost, podkhody v sudebnoy praktike* [Unreliability of Representations of Circumstances at the Negotiation Stage: Legal Nature, Liability, Approaches in Judicial Practice]. *KonsultantPlyus* [Consultant Plus]: Legal Reference System]. (in Russian)

16. Filippova S.Yu. *Yuridicheskiye deystviya kak yuridicheskiye fakty v rossiyskom grazhdanskom prave* [Legal Acts as Legal Facts in Russian Civil Law]: Doctor of Juridical Sciences Dissertation. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2021, 559 p. (in Russian)

17. Tserkovnikov M.A. *O garantynom obyazatelstve iz zavereniya o budushchem obstoyatelstve: kommentarij k opredeleniyu VS RF ot 21 marta 2023 goda* [On the Warranty Obligation Arising from a Representation of a Future Circumstance: Commentary on the Supreme Court of the Russian Federation Decision of March 21, 2023]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2023, vol. 23, no. 6, pp. 198-213. (in Russian)

18. Boyer Olivier Frédéric. *Le silence et le contrat: approche comparée*. Montréal, McGill University, 1991, 268 p.

19. Jastrzebski J. “Sandbagging” and the Distinction between Warranty Clauses and Contractual Indemnities. *U.C. Davis Business Law Journal*, 2019, vol. 19, pp. 208-251. Available at: <https://blj.ucdavis.edu/archives/vol-19-no-2/Jastrzebski.html> (accessed: 18.09.2025)

Статья поступила в редакцию 12.10.2025; одобрена после рецензирования 11.11.2025; принята к публикации 19.11.2025

Received on 12.10.2025; approved on 11.11.2025; accepted for publication on 19.11.2025

Ганева Екатерина Олеговна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0009-0001-6998-746X, РИНЦ Author ID: 1039146, e-mail: kareva10@mail.ru

Ganeva Ekaterina Olegovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0009-0001-6998-746X, RSCI Author ID: 1039146, e-mail: kareva10@mail.ru

Макиева Тамара Гочевна – помощник адвоката, Адвокатское бюро «Райников, Андреев и партнеры» (Россия, 664025, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 68в), ORCID: 0009-0003-1470-5677, РИНЦ Author ID: 1231567, e-mail: toma.makieva@bk.ru

Makieva Tamara Gochevna – Assistant Attorney, Law Office “Raynikov, Andreev and Partners” (68B, Gagarin blvd, Irkutsk, 664025, Russian Federation), ORCID: 0009-0003-1470-5677, RSCI Author ID: 1231567, e-mail: toma.makieva@bk.ru

Вклад авторов

Ганева Екатерина Олеговна – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), написание текста статьи, внесение замечаний и предложений по тексту, редактирование статьи, утверждение окончательного варианта статьи.

Макиева Тамара Гочевна – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, работа с нормативными актами и методическими материалами, написание текста статьи.